

**ИСТОРИЗМ РОМАНА В.Е. МАКСИМОВА
«СЕМЬ ДНЕЙ ТВОРЕНИЯ»**

Д.А. Кольцов, И.М. Попова

ГОУ ВПО «Тамбовский государственный технический университет», г. Тамбов

Рецензент д-р филол. наук, профессор М.Н. Макеева

Ключевые слова и фразы: историзм романа; нравственно-философское содержание романа; преподавание литературы XX века в вузе; проблематика; эссеистика.

Аннотация: Выявлены параметры историзма в романе В.Е. Максимова «Семь дней творения». Определены авторская интенция первого романа писателя и его историко-социальное содержание.

Среди романного творчества писателей второй половины XX столетия выделяются своей эстетической оригинальностью и философской емкостью произведения так называемых писателей «третьей волны»: А. Зиновьева, Ю. Алешковского, А. Солженицына, В.Н. Владимова, В. Войновича, В. Аксенова. Романистика Владимира Максимова занимает среди них достойное место, так как писатель внес много нового в разработку жанра исторического романа XX века.

Хотя в последнее десятилетие творчество этих художников слова интенсивно изучается, между тем остается неисследованным множество вопросов, среди которых один о том, что делает эти произведения историческими романами и как вписываются они в контекст романного развития русской и мировой литературы в целом. Романы Владимира Максимова не являются в данном смысле исключениями и требуют от исследователей сосредоточения, прежде всего на уровне типологии жанра и особенностей идейно-эстетической структуры этих произведений.

Зарубежные исследователи прозы Владимира Максимова обращали особое внимание на политическую и социально-этическую стороны его творчества. Не является исключением и роман «Семь дней творения», который оценивался, в основном, как «злободневное», а не эстетическое творение, одно из лучших социальных произведений писателя.

Кольцов Д.А. – аспирант кафедры «Русская филология»; Попова И.М. – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой «Русская филология», e-mail: postmaster@kafkruss.tstu.ru, ТамбГТУ, г. Тамбов.

Роман «Семь дней творения» вызывал и вызывает самый значительный интерес в зарубежной и русской критике. В вышедшей в 1986 году книге «В литературном зеркале. О творчестве Владимира Максимова» собраны самые значительные рецензии и научные статьи критиков и исследователей из Америки, Германии, Франции, Израиля, Польши и других стран [1]. Немецкий исследователь Зента Маурина в статье «Маленький оркестр надежды. Эссе о восточной и западной литературе» писала о романе «Семь дней творения»: «Эта книга является результатом его многолетних раздумий и горчайшего личного опыта», обращая внимание только на социальные вопросы, которые возникают при чтении «запрещенного партией» романа: «Почему в стране победившего социализма пьянство становится общенародной трагедией? Откуда появился патологический национализм? Почему равнодушие и воровство грозят сделаться повседневной нормой жизни?» [1, с. 9]. Пересказывая «Семь дней творения», З. Маурина не дает художественного анализа текста, ее цель – популяризация произведения в аспекте поставленных в нем политических проблем.

В статье «Вся королевская рать» Владимир Максимов в связи с этим писал, что Россия сама по себе целая цивилизация. У нее вековая и трагическая история. Даже ее роковые ошибки – неотъемлемая составная мирового исторического процесса. И духовное развитие русского народа нужно осмысливать с учетом этого.

Кратко анализирует Н.М. Щедрина роман Владимира Максимова «Заглянуть в бездну» в ряду исторических романов Б. Зайцева «Преподобный Сергей Радонежский», трилогии Д. Мережковского «Христос и Антихрист», романов В. Ходасевича «Державин» и М. Алданова «Истоки» и «Самоубийство», а также «Красное колесо» А. Солженицына. Исследователь приходит к выводу, что в обрисовке исторической личности (да и других вымышленных героев повествования) и В. Максимов, и М. Алданов исходят из приоритетности общечеловеческого над историческим, временным. Общечеловеческие категории истины, свободы, счастья, вечности, судьбы, милосердия, насилия представлены ими как независимые от национальной и классовой принадлежности, стоящие над временным, связанные с проявлением человеческой сущности как в положительном, так и в отрицательном смысле. Но это не значит, что писатели вовсе уходят от изображения исторического времени.

Роман «Семь дней творения» Владимира Максимова сложился как крупное эпическое произведение в результате жанровой переработки в сторону обобщения, укрупнения и углубления философско-нравственной проблематики повестей 1960-х годов («Жив человек», «Мы обживаем Землю», «Стань за черту», «Дорога», «Баллада о Савве»). Весь аксиологический комплекс максимовской антропологии, проявленной в ранней прозе, присутствует в более развитом, расширенном и углубленном виде в художественном тексте первого романа писателя.

В своей совокупности жанровое содержание романа является нравственно-философским: центральная проблема ложности смысла жизни в утвержденном коммунистическом идеале совершенного человека связана с убежденностью автора в необходимости возрождения истинной цели бы-

тия: «сотворения себя в духе», возрождения христианской аксиологии, традиционной для исторического пути России.

Все главные герои произведения имеют своих прототипов. Исторически верно в романе «Семь дней творения» показана эпоха 1930-х годов, когда пролетарии (Иван Любушкин, Никишкин, Александр Горев) потеснили «белую кость» (дантиста Меклера, музыкантов Храмовых и полковника Козлова). Сначала была кажущаяся гармония: соседи наслаждаются общими мечтами о будущем, говорят о справедливости перераспределения материальных благ, но вскоре начинаются новые переделы собственности, а затем идет ожесточение, ненависть, террор.

Дети пролетариев, как были убеждены сами пролетарии, должны жить в хороших домах и учиться «на дантистов», а «баре» должны уйти с арены истории. Но не бывает счастья, построенного на несчастье и притеснении другого. Это демонстрируется на примере семьи Храмовых. Сначала трагедия происходит с дочерью музыканта Храмова Ольгой, талантливой девушкой. Она сходит с ума после продажи рояля. Затем погибает сын Лева – актер, сломленный жесткостью общества. Все происходит потому, что Храмовы – интеллигентные люди, которые не в силах противостоять новым жестоким общественным установлениям. О том, что система безжалостно уничтожает не только интеллигенцию, но и крестьянство, а также развращает все население России, говорит такая деталь: Горевы, которые вселяются в их квартиру, носят свои вещи бесшумно, словно в квартире был покойник. Это символ грядущей смерти нравственного закона, попранного сталинским террором. Василий Лашков доволен перераспределением ценностей, поворотом в обществе. Назвав Ольгу Храмову «блаженной дурочкой из одиннадцатой квартиры», он не сочувствует никому. Ему нравится только нахрапистая, наглая Груша, которая не церемонится с «барями». Но уже тогда, в первую ночь после вселения-выселения, ему снится пророческий сон, в котором все лица России как две капли воды стали похожи на лицо «дурочки». Возможно трактовать эту важную художественную деталь, как авторское предвещение трагических судеб всего послереволюционного поколения россиян. Усиливает это предчувствие и «шелестящая мелодия постепенной гибели», которую слышит в себе пролетарий Калинин.

Многие из стана «победителей» ощущают свою предрешенность, свой гибельный конец. Например, чувствует конец душа Василия, хотя она и с червоточиной: персонаж ограничен «житейской скудостью» духа. Он долго не замечал своего постепенного падения, о котором свидетельствует равнодушие к чужой боли.

Сочувствует Василий только себе. Когда он узнал об аресте брата Груши, который грозил ему тюрьмой в случае его женитьбы на Груше, то до позднего вечера просидел в комнате, рассуждая о своей несчастной доле: «За что это мне все. Разве мало того, что было? Разве не выстрадал я себе каплю радости?» [2, с. 209]. И тягостное опустошение захлестнуло его. Он предает Грушу, отказывается от нее, чтобы уцелеть самому.

Свое разложение Василий заметил только тогда, когда считавший его лучшим другом Иван Левушкин сказал ему: «Поскучнел ты, Вася, нудно с

тобой. Ходишь по земле, а зачем?» [2, с. 113]. Василий стал думать над левушкинским «Зачем?», вспоминать свою жизнь: как он прожил свои тридцать девять лет? Он вспомнил, что «сердце пело от жизни до тех пор, пока его не послали в пески – басмачей гнать. Басмач – враг. Значит – бей, значит – дави, значит – не давай пощады» [2, с. 229].

Первый «враг», простреленный им навывлет, оказался молодым безусым туркменом. Загубленная невинная душа не давала Василию покоя и «какая-то томительная тоска начала его грызть изнутри» [2, с. 229]. Из-за ранений он в двадцать три года определился дворником и «поплыл по течению» жизни: «Гуляй по двору – и не тужи. Ни мечты – позади, ни привязанности» [2, с. 229]. Василий понял, что причина его тоски и «окаменелого нечувствия» кроется в грехе убийства и всеобщего насилия.

Больной саркомой Лева Храмов подтверждает мысли Василия: «Понимаете, Лашков, мы с вами... живем в стоялом оттоке большого течения. Мы соединены с его общим процессом, мы неотъемлемая его часть, но само течение движется, движется, а мы стоим, стоим, и – распадаемся...» [2, с. 212].

Подтверждая слова Храмова, Василий переполняется мстостью и злобой за уход Груши, загулявшей с надзирателем. Его полную душевную деградацию автор демонстрирует в эпизоде с пойманной Василием мухой, заточенной в стакан. Герой с мстительным злым сладострастием душит муху стаканом, внутренне приговаривая: «Покрутись-ка теперь, стерва!» [2, с. 213].

Разные люди – Храмов и Лашков поэтому и не понимают друг друга, но «роднимые болью одного сомнения, они невольно подчинились спасательному инстинкту общности». Они оба нашли причину своих бед: страшный гнет общей греховности, насильственное уничтожение себе подобных, погоня за выморочным идеалом привели к духовной опустошенности и ужасаемому падению нравственности.

Исторически верно показано, как после долгого идеологического одурманивания душа Василия озаряется вещей догадкой: «нельзя насильно навязывать человеку свою волю, подстригать всех под одну гребенку, как того хотели большевики». Он вспоминает беснующуюся, хрупкую душу, потому и сломавшуюся Олю Храмову, и вдруг осознает, что она не «блаженная дурочка», а личность, у которой насильно отняли самое дорогое – музыку. «Мамочка моя родная! Нет человека без своей особой струны. Отними у него эту струну, и останется оболочка немощная и дикая» [2, с. 215]. И Василию сделалось вдруг через судьбу Ольги Храмовой понятна вся российская жизнь, то «омертвление», которое охватило всех в тридцатые годы.

Встреча со Штабелем, отсидевшим двадцать лет в сталинских лагерях в Сибири, как будто подвела итоговую черту в жизни Василия Лашкова. Он до конца понял гибельность Системы, влекущей за собой все новые и новые жертвы.

Смерть героя – это горький исход страдания, это последние вопросы, обращенные к живым: «Что мы нашли, придя сюда? – думал он их мыслями. – Радость? Надежду? Веру?... Что мы принесли сюда? Добро? Тепло-

ту? Свет? Кому? Меклеру? Храмовой? Козлову?». Это ответы себе, стоящие целой жизни: «Нет, мы ничего не принесли, но все потеряли. Себя, душу свою... А зачем?... Ведь в каждом из нас жило доброе слово... и, может быть, живет еще. Живет!» [2, с. 268].

Умирает Василий со словами Левы Храмова о покаянии, об очищении слезами раскаяния: «Лева знал, что говорил: «Плачьте, плачьте, люди, у слезы даже сила есть!» [2, с. 269]. Последнее его слово было «Господи», что свидетельствует о его прозрении в момент ухода из жизни и о начале возрождения духа, ищущего Истину в Вере.

Итак, историзм романа В.Е. Максимова «Семь дней творения» определяется правдивым исторически точным показом того, что даже тот социальный класс, ради которого совершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, оказывается обездоленным. Пролетарии претерпевают необратимые изменения в сторону деградации и примитивизации, в души людей входит страх и ненависть. И только общенародная беда – Великая Отечественная война вновь воскресит доброту, сострадание, преданность.

Список литературы

1. В литературном зеркале. О творчестве Владимира Максимова. – Париж–Нью-Йорк : Третья волна, 1986. – 272 с.

2. Максимов, В.Е. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 2. / В.Е. Максимов. – М. : Терра, 1991. – Т. 2. – 598 с.

Historicism of V.E. Maksimov's Novel “Seven Days of Creation”

D.A. Koltsov, I.M. Popova

Tambov State Technical University, Tambov

Key words and phrases: essays; novel historicism; moral and philosophical content of the novel; problematic; teaching 20th century literature in the university.

Abstract: The paper reveals the parameters of historicism in the novel “Seven Days of Creation” by V.E. Maksimov; it identifies the author's intention of the first novel and its historical and social content.

© Д.А. Кольцов, И.М. Попова, 2010